

кош», Новый Дели, 1957). Знаменательно для современного развития индо-советских культурных отношений, что словарь вышел в Индии почти одновременно с выходом первого русско-хинди словаря в Советском Союзе. В предисловии к словарю В. Р. Рипи пандит Дж. Неру пишет: «...русский язык, который сам по себе не только велик и богат, но и служит сегодня средством выражения научных, технических и других сфер человеческого мышления, до сих пор еще знают немногие в Индии. Я надеюсь, что изучение русского языка в Индии будет расширяться, и это будет способствовать лучшему пониманию русского народа и его великих достижений». «Руси-хинди шабда-кош», над которым составитель работал шесть лет, содержит 40 тысяч слов, сопровождаемых достаточно богатым иллюстративным фразеологическим материалом. Словарь В. Р. Рипи вместе с приложенным кратким очерком грамматики русского языка — крупный вклад в индийскую лексикографию, им

положено начало созданию словарей переводных с русского на другие индийские языки.

В древней и средневековой лексикографии мы видим очень раннее, но яркое проявление духовной деятельности индийского народа. То, что сохранено этой традицией, представляет большую ценность для истории языка, для истории культуры. С XIX в. развиваются новые традиции, отражающие борьбу индийского народа за национальное освобождение от империалистического порабощения. Индийская филология становится одним из средств этой борьбы. В области лексикографии хинди, так же как и в других индологических областях, сказываются буржуазно-националистические установки, однако преобладает научно-объективное направление, которое имеет прочную опору в самой жизни страны, вступившей на путь самостоятельного свободного развития в эпоху торжества социализма.

В. М. Бескровный

НОВОЕ В ЛИТУАНИСТИКЕ

В 1957 г. в Вильнюсе вышла из печати монография З. Зинкевичюса «Очерки по истории местоименных прилагательных литовского языка»¹. Эта книга обращает на себя внимание не только благодаря значительности темы, представляющей интерес и для исследования балтийских, а также славянских языков, в которых представлен названный тип прилагательных, и для изучения других индоевропейских языков. Она отличается широким привлечением материала всех основных старых письменных памятников литовского языка и всесторонним использованием диалектных данных — как известных по печатным источникам, так и собранных автором в ходе его диалектологических изысканий. Вместе с тем автор постоянно учитывает факты других балтийских языков.

Основная часть книги, рассматривающая историю местоименных прилагательных в литовском языке, включает раздел о фонетических факторах, способствовавших нарушению регулярных связей местоименных прилагательных с краткими формами прилагательных и выделению их в качестве особого класса (здесь имеются в виду выпадение *j* после согласных, сокращение акутовых окончаний, выпадение тавтосиллабического *n* и др.); главу об особенностях склонения местоименных прилагательных (существенную часть здесь занимают раз-

скация в области унификации типов склонения); наконец, раздел о дальнейшей судьбе изучаемого типа прилагательных в говорах литовского языка. Очень полезными являются справочные разделы книги, включающие детальные указатели рассмотренных слов и форм, и статистические таблицы, характеризующие употребление местоименных прилагательных в старых памятниках и в современном языке.

Опубликование на русском языке подробной статьи автора на ту же тему² избавляет нас от необходимости более подробно излагать содержание богатой наблюдениями книги З. Зинкевичюса. Нам представляется целесообразным остановиться на значении исследованных в этой книге фактов для сравнительно-исторической грамматики балтийских и в целом индоевропейских языков. Автору удалось окончательно доказать поздний характер образования местоименных форм. Факты, привлеченные З. Зинкевичюсом для обоснования этого вывода, имеют существенное значение и для исследования функций и синтаксических позиций элемента **žō* — не только в балтийских, но и в других индоевропейских языках. В соответствии с традицией автор считает, что старое относительное значение этого элемента в балтийских и славянских языках исчезло (стр. 12).

² См. З. П. Зинкевичюс, Некоторые вопросы образования местоименных прилагательных в литовском языке, ВСЯ, вып. 3, 1958, стр. 50—100.

¹ Z. Zinkevičius, Lietuvių kalbos įvardžiutinių būdvardžių istorijos bruožai, Vilnius, 1957.

Однако нам представляется нецелесообразным искать следы первоначального относительного значения **io-* не только для балтийских и славянских языков, но и для индоевропейских языков в целом. Собранные З. Зинкевичюса факты являются веским аргументом в пользу теории о том, что элемент **io-* в древнейшую эпоху не имел этого значения¹. Об этом свидетельствуют многочисленные данные различных групп индоевропейских языков, общие соображения о развитии относительных местоимений в индоевропейских языках и, наконец, обильные типологические сопоставления (ср., например, особенно показательные явления в абхазском языке)². Что же касается балтийских языков, то для них тем более не имеет смысла искать следы относительного значения в элементе **io-*, поскольку в этих языках вообще нет относительного местоимения такого корня (которое в этой функции не было общиндоевропейским). В славянских же языках относительное значение **io-* определяется целиком присоединением частицы *že*³.

Для древнейшего состояния отдельных индоевропейских диалектов следует предполагать использование частицы **io-* для установления синтаксических связей между словами и синтагмами. Этой первоначальной функцией элемента **io-* объясняются многообразные значения восходящих к нему единиц в различных индоевропейских языках (часто эти широкие этимологические связи относительного местоимения **io-* не учитываются при изучении его истории). В эту обширную семью слов входят частицы самого разного назначения (усилительного, вводного, подчеркивающего и др.), союзы⁴, местоимения (анафорические, указательные, относительные) и показатель *-io-* в падежной флексии генетива основ на *-*sio-*. В свете этих фактов указанную флексию представляется целесообразным рассматривать как старое сочетание окончания эргатива с частицей **io-*, еще сохранившей первоначальное общее значение⁵. Представляет интерес выяснение относительной хронологии образования этой флексии родительного падежа и выступающих в сходных синтаксических условиях форм прилагательных на **-io-*.

¹ См. о балтийских и славянских языках: N. van Wijk, Eine slavisch-germanische syntaktische Parallele, «Germanoslavica», Jg. III, Hf. 1—2, 1935; об индоевропейском: J. Gonda, The original character of the Indo-European relative pronoun *io-*, «Lingua», vol. IV, 1, 1954.

² Эти абхазские параллели не были использованы Дж. Голдой, привлекая в основном данные языков Южной Азии (см. J. Gonda, указ. соч.).

³ Ср. Z. Rysiewicz, Studia językoznawcze, см. статью «De quelques pronoms relatifs», Wrocław, 1956.

⁴ См. интерпретацию союза *ἄτε* в статье J. Gonda «The history and original function of the Indo-European particle *k^{ue}*, especially in Greek and Latin, «Mnemosyne», ser. IV, vol. VII, fasc. 3—4, Leiden, 1954.

По указанным соображениям нам представляется, что традиционный термин «местоименные прилагательные» можно употреблять лишь в условном смысле, отличающемся от обычного (т. е. имея в виду не происхождение этого класса слов, а его синхронические связи с указательными местоимениями).

Как показывают материалы монографии З. Зинкевичюса и другие новейшие работы⁶, в литовском языке сохранились следы употребления *io-* древнейшего индоевропейского типа. (Ср. в пределах самого литовского языка близкие по значению к прилагательным на *io-* формы с частицей *-ai* типа *jis-ai, kurs-ai, geras-ai* и т. д.⁷, где элемент *-ai*, присоединяющийся к разным классам слов, никогда не являлся местоимением.)

Особый интерес для сравнительно-исторического синтаксиса индоевропейских языков представляют собранные в диссертации формы прилагательных, где либо элемент *-io-* вставляется между приставкой или отрицанием и корнем (*ni jam-ludusam, pa-io-prasta* и др., стр. 8), либо элемент *-io-* повторяется (*ne io-kalto-ia*, стр. 8), либо повторяется окончание при основе и при элементе *io-* (*tikrosp-iosp, aritump-iump*, стр. 7). Эти факты, связанные с использованием местоименных энклитик в литовских глаголах, находят очень широкие соответствия в различных индоевропейских языках и помогают реконструировать место энклитик в индоевропейском предложении⁸. С другой стороны, их распределение в балтийском и славянском предложениях находит, кажется, достаточно точное объяснение в свете установленных недавно хеттских фактов⁹. Уже приведенные выше соображения показывают, какие широкие перспективы открываются благодаря результатам, содержащимся в интересной книге З. Зинкевичюса¹⁰.

⁶ В связи с этим нуждается в поправке в общем верная интерпретация этой формы в статье И. Кноблоха (см. J. Knobloch, Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genitivs der *c*-Stämme auf *-sio-*, «Die Sprache», Bd. II, Hf. 3, 1951).

⁷ H. Wiseman, Zur nominalen Determination. I. Die Grundfunktion des bestimmten Adjektivs im Baltischen und Slavischen, IF, Bd. LXIII, Hf. 1, 1957.

⁸ См. A. Saly, The Lithuanian vocative singular in *-ai*, «Studi baltici», [IX], Firenze, 1952.

⁹ Сходную позицию в предложении можно предположить и для различных указанных выше форм *c-io-*; ср. место род. падежа на *-sio, iže* в старославянском предложении и т. д.

¹⁰ См.: B. Rosenkranz, Zur Entstehungsgeschichte des bestimmten Adjektivs des Baltischen und Slavischen, «Die Welt der Slaven», Jg. III, Hf. 2, 1958; W. H. Held, The Hittite relative sentence, «Language», vol. 33, № 4 (pt. 2), Suppl., 1957.

¹¹ Важным дополнением к исследованию З. Зинкевичюса служит диссертация А. Валецкиене (A. Valeckienė, Dabar-

Монография З. Зинкевичюса, как и ряд появившихся за последние два года очень ценных публикаций лингвистических исследований¹ и изданий старых литовских текстов и старых записей фольклорных ма-

териалов², свидетельствуют о больших успехах, достигнутых литовскими лингвистами.

Вяч. В. Иванов, В. Н. Топоров

tinės lietuvių kalbos įvardžiutinių būdvardžių vartojimas, сб. «Literatūra ir kalba», II, Vilnius, 1957), рассматривающая функцию и значение сложных прилагательных в современном языке.

¹ См. сборники статей: «Kai kurie lietuvių kalbos gramatikos klausimai», Vilnius, 1957; «Lietuvių kalbotyros klausimai», I, Vilnius, 1957; сб. «Literatūra ir kalba» (I—1956, II—1957, III—1958), а также полезные исследования П. Палиониса, К. Ульвидаса, А. Сабаляускаса, И. Сенкуса, А. Лайгонайте, Е. Гринавецкиене, А. Валецкиене и др. Большим событием является переиздание работ И. Яблонского по литовской грамматике (см. J. J a b l o n s k i s, Rinkiniai raštai, t. I, Vilnius, 1957) и начавшееся издание собрания сочинений выдающегося литовского лингвиста К. Буги.

² Наряду с появившимся еще в 1947 г. катехизисом Мажвидаса («Pirmoji lietuviška knyga», Kaunas) следует отметить издание первой литовской грамматики Клейна («Pirmoji lietuvių kalbos gramatika 1653 metai», Vilnius, 1957), рукописей

Донелайтиса («Kristijono Donelaičio rankraščiai», Vilnius, 1955), хрестоматии по старой литовской литературе («Lietuvių literatūros istorijos chrestomatija», Vilnius, 1957; сюда включен ряд основных памятников старого литовского языка, большое место занимают фототипическое воспроизведение старых текстов и лингвистические комментарии). В настоящее время в Институте языка и литературы в Вильнюсе ведется подготовительная работа к изданию ценнейшего памятника литовского языка — библии Бреткунаса. Скоро будет завершено этой работы — одна из постоянных задач лингвистики. Из публикаций старых диалектных текстов следует отметить: Antanas Juška, Lietuviškos dainos, tt. 1—3, Vilnius, 1955; Antanas Juška, Jonas Juška, Lietuviškos svotbinės dainos, tt. 1—2, Vilnius, 1955; Simonas Stanevičius, Dainos Žemaičių, Vilnius, 1954; J. Lebedys, Smulkioji lietuvių tautosaka XVII—XVIIIa., Vilnius, 1956 и др.